

ЛИЦО НЕДЕЛИ

Он — автор известных пьес, идущих на сценах всего мира: «Беседы с Сократом», «Ищу знакомство», «Спортивные сцены...». Он — автор исторических бестселлеров о Сталине и Николае II, изданных многомиллионными тиражами. В последнее время он также автор и ведущий цикла телепередач «Загадки истории». Не курит, не пьет, занимается спортом, путешествует и философствует.

— Когда вы учились в школе, вы смеялись над одноклассниками или они над вами?

— Я занимался боксом и хорошо играл в футбол. Одноклассники не смеются над боксерами и футболистами. Все это делал по причине, существующей у всех рыжих: они должны сделать так, чтобы слово «рыжий» не звучало. Я сделал.

— У вас много друзей?

— Нет. Тот способ жизни, которым я живу, не включает близкую дружбу.

— Вы индивидуалист?

— По формуле из моей пьесы «Старая актриса»: у собаки есть хозяин, а у волка есть бог.

— Нам стало известно, что вскоре выйдет ваша новая, четырехсерийная передача о Сталине.

— Этот человек, который при жизни стал земным богом, и сейчас остается столь же загадочным, как и в день своей смерти. В передаче я попытаюсь рассказать о некоторых из этих загадок, часто кровавых. Одно скажу: мнение, что он был монстр или примитивный гангстер, — отпадает. Примитивному гангстеру было бы, наверно, трудно победить Черчилля, Рузвельта, очаровать леди Астор и Бернарда Шоу. Он был великий актер, страшный, но не примитивный.

— У него было чувство юмора?

— Весьма своеобразное.

— Друзья?

— Только люди, которые думали, что они — его друзья... Вообще я надеюсь на продолжение в будущем, поскольку четыре части для Сталина — очень мало. Ведь история Сталина стала историей страны. Он задал вопрос, весьма важный: как управлять Россией — и, надо сказать, решил его. По-своему.

— Я это не напишу. Кто-то неправильно поймет.

— Не думаю. Недавно на улице ко мне подошел человек, узнал, поздоровался и сказал: «Ну, что вы хотите? Это — Россия. Здесь есть лишь одно слово — власть. Все остальные слова его прикрывают».

— Кем вы сами себя ощущаете в этой жизни, властителем или жертвой?

— Ни тем ни другим. И вообще, всегда слишком заботился, чтобы не быть ни к чему причисленным, ни к какой группе. Даже маленькая толпа — убивает, нивелирует ваши мысли.

— Ваши ближайшие премьеры?

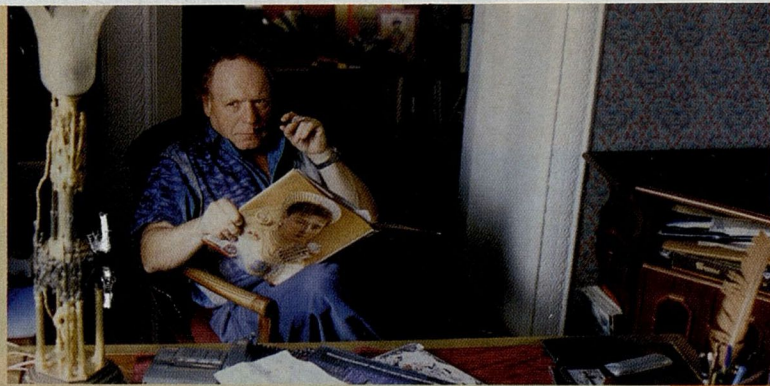
— С восьмой попытки я все же сделал пьесу о гибели царской семьи: их последняя ночь по минутам и то, что случилось двадцать лет спустя. Ее репетирует Фокин в своей антрепризе с Ульяновым, Купченко, Збруевым, Женей Мироновым — всего четыре актера. Премьера — в октябре, в Манеже. Я запретил ее пока ставить за рубежом. Сначала — здесь.

— Вы патриот?

— Просто я живу здесь, хотя давно уже могу жить где хочу. В других странах. «Патриот» имеет опасный подтекст — и не только здесь.

— А языки вы знаете?

РАДЗИНСКИЙ

ТВ Парк - 1996. -
23 сент. - с. 11.

— Английский. У меня в Америке было поставлено пять пьес, так что учил, слушая собственные пьесы.

— **Говорят, у вас квартира в Париже — это правда?**

— У меня даже здесь дачи нет. Только эта двухкомнатная квартира и автомобиль. Как человек, пьесы которого шли везде, я раньше был очень богат и мог бы купить здесь все, что угодно, но был уверен: любая собственность — она обременяет. Не иметь — это вполне соответствует некоей временности нашего существования. Квартира в Париже — это быт, а Франция не может быть бытом. Это должно быть как подарок, мечта... Я обожаю Францию, не могу без нее, часто езжу, язык, правда, знаю плохо — отец мой умел думать по-французски. Так вот, английский в Париже не любят, но я нарочно говорю там только по-английски — мне безумно нравится чувствовать себя иностранцем.

— **Злите французов?**

— Я ненавижу злость, это опасная энергия. Наоборот, мы должны делать все, чтобы люди вокруг были добрые. Из всех сил. Любый спор опасен. Как только вы видите, что с вами борются, вы должны тут же согласиться: «А, да, скорее всего...». Потому мне и нравится Николай (Второй — К. Т.). Когда кто-нибудь говорил то, что было ему противно, он не умел сказать «нет» и молчал. Думая, что молчание — знак согласия, человек уходил. Николай дождался другого, говорившего то, что он бы хотел услышать, и соглашался с ним. Первый, конечно, считал царя лживым, коварным, безвольным, то есть попросту не понимал его. Я тоже стараюсь не говорить «нет».

— **Вы как-то упоминали, что, играя «104 страницы про любовь», кое-какие актеры в жизни тоже начинали разводиться и жениться. Можно подробнее.**

— Я никогда не называю имена. Сейчас выходит повесть «Наш Декамерон», там тоже все названы X, Y, Z. Это часть игры, в которую я играю.

— **Что за игра?**

— Можете написать: «В ответ он постарался загадочно улыбнуться». Но не надо слишком всерьез относиться к жизни. Я немножко боюсь писателей с бородами, которые размышляют о человечестве. Поразмышлял — посмейся над собой.

— **Почему, с такой самоиронией, вы категорически не отвечаете на вопросы о частной жизни?**

— Частная жизнь — это мой материал. Я его не выдаю.

— **Дети, жены, внуки — материал?**

— И правнуки тоже. Это то, о чем я сочиняю, пишу. Это тоже часть игры, иначе неинтересно. При этом я их люблю.

— **Любовь существует?**

— Конечно, конечно, она неистовствует.

— **Придерживаетесь в этом тех же убеждений, что и 30 лет назад?**

— Что и три тысячи лет назад. У вас появилась любовь — вот и радуйтесь. Весь вопрос в том, во что вы ее превращаете. Можно — в мучение, можно — в прекрасную прозу, можно — в пьесу. Все зависит от таланта, и, говоря патетически, как разобьется сердце — тоже часть вашего таланта.

— **Вы сильно любите своего пса?**

— Я раньше собак ненавидел. Когда его привезли, я устроил скандал, кричал: «Зачем? Я ненавижу собак! Это отвратительно! Эти люди, которые с ними общаются, как с детьми!» Сейчас ловлю себя на том, что разговариваю с ним.

— **Что делаете в свободное время?**

— У меня его нет. Перехожу из книги в книгу, хотя никто меня не гонит. Посреди каждой думаю: «Сейчас закончу, и начнется новая жизнь». Но буквально немедленно начинается новая книга. Это объединяло нас с Эфросом, при том что общих черт у нас было мало. Хотя он поставил пять моих пьес, мы не дружили — разные люди. Но и он как-то ехал в поезде, и другой режиссер спросил его: «Толя, чем вы сейчас заняты? — Я репетирую. — Как, вы же только что выпустили спектакль?» Он испуганно посмотрел и сказал: «А чем же еще заниматься?» Вот чем еще заниматься — мне непонятно.

— **Вы трудолюбив?**

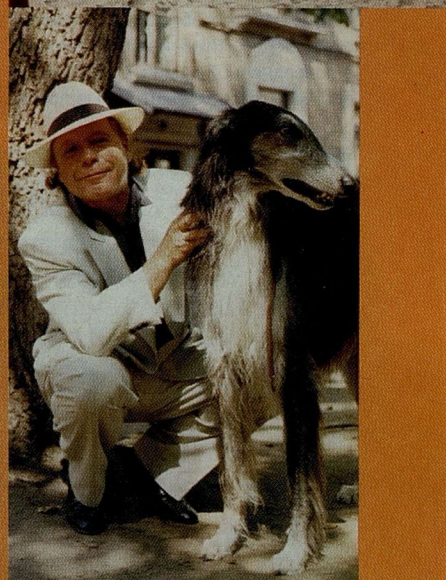
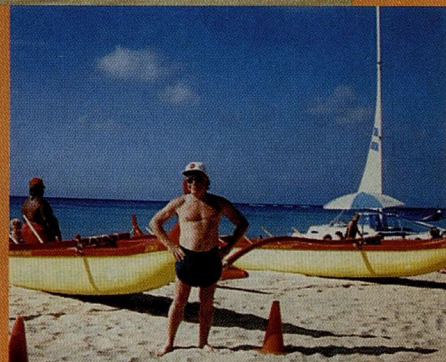
— Это не труд, это жизнь. Я живу. Поднимаюсь и должен поблагодарить Господа, что встал, ведь очень много людей не встали, и я мог быть в их числе. Новый день упоителен. Утром я не спешу, потому что должен понять, кем проснулся и как. Я не один, нас трое: сущность, личность и тело. Каждый имеет свои привязанности, привычки, они борются друг с другом. Часто сущность говорит телу: «Боже мой, неужели это сделал Я?». Надо выяснить, договориться — поскольку есть еще какие-то обязанности. Иногда бывают восстания кого-то из троих. И когда вы меня спрашивали о неких устоявшихся вещах, я мог лишь удивляться. Их нет. Все меняется. Я прощаюсь, не зная, куда я поеду и что со мной будет.

— **А куда вы поедете в ближайшее время?**

— В Париж, потом во Франкфурт-на-Майне, где будет представлена моя новая книга.

— **Где вы встретите Новый год?**

— В Москве.

С Жаклин Кеннеди

